

**«Русские», евреи, израильтяне?
Адаптация русскоязычных мигрантов
в Израиле глазами потомков***

Анжела Скляр

Ариельский университет,
Ариэль, Израиль

**“Russians”, Jews, Israelis?
The Adaptation of Russian-Speaking Immigrants in Israel
through the Eyes of Their Children**

Angela Skliar

Ariel University,
Ariel, Israel

The social and cultural integration of immigrants from the former Soviet Union to Israel over the last thirty years has received wide attention. To become a part of Israeli society, these immigrants concurrently tried to preserve and use the Russian language, their cultural identity and worldview, while experiencing conflicts with the Israeli establishment, which demands a complete change to Israeli identity. This study was carried out between 2016 and 2019 and examines aspects influencing the integration of newcomers: immigration motives, age at immigration, knowledge and usage of Hebrew, professional training, satisfaction with living standards and work conditions, inclusion in Israeli society and culture, social contacts and lifestyle changes concerning traditions, etc. The peculiarity of the study is that it involves immigrants' children (20–30 years old), and not the immigrants themselves. This second generation's viewpoint enabled the author to evaluate the success of the integration of former Soviet Union immigrants based on the view of young people who have grown up in and been shaped by Israeli reality. The study confirms that social and cultural bonding in Israel secures the

* Citation: Skliar, A. (2021). “Russians”, Jews, Israelis? The Adaptation of Russian-Speaking Immigrants in Israel through the Eyes of Their Children. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 4. P. 1205–1225. DOI 10.15826/qr.2021.4.635.

Цитирование: Skliar A. “Russians”, Jews, Israelis? The Adaptation of Russian-Speaking Immigrants in Israel through the Eyes of Their Children // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 4. P. 1205–1225. DOI 10.15826/qr.2021.4.635 / Скляр А. «Русские», евреи, израильтяне? Адаптация русскоязычных мигрантов в Израиле глазами потомков // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 4. С. 1205–1225. DOI 10.15826/qr.2021.4.635.

success of adaptation and integration in a new society and plays an important role in identity formation among first-generation immigrants. Additional factors that increase the level of adaptation are satisfaction with working conditions and property ownership, indicating the family's material stability. Further analysis of the results, however, supports that actively using and preserving the languages and cultures from both the countries of departure and destination in the process of adaptation is the optimal model of cultural integration for immigrants.

Keywords: migration, motives for migration, Israel, USSR, integration, sociocultural identification, first generation of immigrants, cultural values, concept of “melting pot”

Процесс социальной и культурной интеграции и адаптации мигрантов – выходцев из бывшего СССР, приехавших в Израиль в последние 30 лет, стал объектом пристального внимания в странах, принимающих иммигрантов. Стремясь стать частью израильского общества, мигранты в то же время стараются сохранить русский язык, свою культурную специфику и мировоззрение, нередко вступающие при этом в конфликт с мировоззрением израильского истеблишмента, требующего от них смены своей идентичности на израильскую. В исследовании (2016–2019), целью которого было обобщение опыта адаптации в новом обществе, рассматриваются различные аспекты, повлиявшие на успех интеграции новоприбывших, – мотивы миграции, факторы, влияющие на процесс интеграции: возраст в момент переезда в другую страну, знание и использование нового языка (иврита), профессиональная востребованность, удовлетворенность жилищными условиями, работой, достигнутым уровнем жизни; включенность в израильское общество и культуру; круг общения, сложившийся после переезда; изменения образа жизни с учетом традиций и т. п. Особенностью исследования стало то, что в нем участвовали не сами мигранты, а их дети (20–30 лет), чья оценка успеха адаптации родителей в Израиле является взглядом «второго поколения» и дает возможность оценить успешность интеграции выходцев из бывшего СССР в Израиле молодежью, выросшей и сформировавшейся в новой реальности. Результаты исследования подтверждают положение, что ощущение общественной и культурной принадлежности к израильскому обществу свидетельствует об успехе адаптации и интеграции мигрантов в новом социуме, играет важную роль в формировании новой идентичности представителей первого поколения мигрантов. Факторами, повышающими уровень адаптации, являются удовлетворенность условиями работы и владение недвижимостью, что говорит о материальной стабильности семьи. Анализ полученных результатов дает возможность предположить, что сохранение и использование мигрантами языка и культуры страны исхода в процессе адаптации параллельно с новой для них израильской культурой и традицией являются оптимальной моделью культурной интеграции.

Ключевые слова: миграция, мотивы миграции, Израиль, СССР, интеграция, социокультурная идентификация, первое поколение мигрантов, культурные ценности, концепция «плавильного котла»

Государство Израиль с момента своего создания в 1948 г. провозгласило, что оно открыто для еврейской репатриации, а закон о возвращении 1950 г. стал юридической основой права евреев переезжать на свою историческую родину в качестве полноправных граждан. Около 40 % еврейского населения Израиля – мигранты в первом поколении, и еще 40 % – рожденные в Израиле в семьях мигрантов. Доминирование ашкеназско-европейской культуры способствовало утверждению доктрины культурной однородности в израильском обществе. Политика «плавильного котла» требовала принесения в жертву культурных традиций страны исхода ради культуры принимающего общества. Обоснованием этой концепции была идея о том, что быстрая замена исходной культуры на новую предотвратит конфликт идентичностей и облегчит адаптацию мигрантов [Spolsky, Shohamy]. Это достигалось путем обучения детей мигрантов в школах-интернатах, где, изолированные от влияния семьи, они постигали ценности израильского общества. Позднее пришло осознание, что отказ от богатого культурного наследия, накопленного еврейской диаспорой за более чем 2000-летнюю историю, привел к невосполнимой утрате в духовной жизни государства [Spolsky]. На практике эта политика за несколько десятилетий превратила Израиль в «кладбище языков и культур» [Pedraza].

После распада СССР в Израиль хлынул самый мощный за всю историю государства поток мигрантов – феномен, получивший название «Большая алия¹». По данным ЦСБ Израиля и министерства абсорбции, с 1990 г. в страну прибыло около 1 млн 250 тыс. мигрантов из стран постсоветского пространства. В отличие от в основном идеологических мотивов мигрантов 1968–1979 гг., прибывшие в Израиль на гребне «Большой алии» руководствовались не только еврейскими и сионистскими побуждениями. Для большинства это были страх за свою судьбу и будущее детей в условиях роста антисемитизма, углубления экономического и социального кризиса в странах исхода, стремление к профессиональному и экономическому продвижению, отъезд близких и коллег и т. д. [Lisk; Leshem, Sicron; Cohen-Strawczynski et al.]. При этом мигранты, приехавшие в Израиль в 1990-е г., не желали полностью отказываться от советского прошлого, являвшегося неотъемлемой частью их идентичности [Damian, Rozenbaum-Tamari, 1999; Hanin].

Проблемы Большой алии

Выходцы из стран СССР составляют 15 % еврейского населения современного Израиля (или 12 % от общего населения страны), что осложняет их интеграцию. Многие выходцы из стран СССР не смогли реализоваться профессионально и сохранить социально-экономический уровень [Ferdman, Horenczyk; Horowitz, 1999; Horowitz, 2005; Remennick]. В первое десятилетие после приезда у большинства

¹ Алия (ивр. עלייה) – досл. «подъем», «восхождение».

возникали трудности с трудоустройством; многие были вынуждены заниматься неквалифицированным трудом, что влияло на их способность и желание интегрироваться в израильское общество [Mirsky, 1997; Damian, Rosenbaum-Tamari, 1999; Integration or Separatism?; Baider et al., 1996]. Тем не менее, новые «русские» мигранты создавали конкуренцию во всех областях экономики, промышленности и науки, что порождало обеспокоенность, а порой даже враждебность в среде «старожилов». Как у бюрократического истеблишмента Израиля, так и у абсорбирующего общества в целом сложился коллективный образ «русских» (мигрантов из СССР) – религиозно индифферентных, а то и вовсе атеистически настроенных обладателей поддельных дипломов, усложняющих и без того непростую экономическую ситуацию в Израиле. Это вызывало и продолжает вызывать множество трудностей в процессе их интеграции и аккультурации [Leshem, Sicron]. «Старожилы» убеждены, что мигранты обязаны пройти процесс приобщения к национальным традициям и к израильской культуре, без чего невозможно их полноценное гражданское укоренение. Это автоматически ставит новоприбывших мигрантов в невыгодное положение в принимающем обществе. Желая интегрироваться в израильское общество и демонстрируя стремление выучить иврит [Niznik], они в то же время оказываются заинтересованы и в сохранении своей культурной специфики и светского мировоззрения [Ben-Rafael et al.]. Высокая концентрация русскоязычных мигрантов в Израиле превратила их в закрытое социальное сообщество со своими культурными ценностями, стремлением сохранить русский язык, с нежеланием полностью сменить свою идентичность на израильскую. Русскоязычные мигранты определяли свое еврейство в первую очередь с этнической точки зрения, тогда как принадлежность к иудаизму не рассматривалась ими как важный компонент идентичности [Mesch; Remennick, Prashizky]. «Старожилы» ратовали за создание единого народа с единой еврейской культурой. Любые попытки сохранить язык и традиции, «импортированные» из стран исхода, вызывали подозрение в подрыве национальных ценностей и воспринимались как поведение, противоречащее интересам израильского общества [Ben-Rafael, Ben-Chayim]. Чтобы справиться с культурным багажом новых «русских» израильтян, общество было вынуждено реализовывать концепцию их быстрой и полной интеграции [Kozulin, Venger; Taylor; Peres].

Современная израильская концепция в области культуры не определяет общество как единое целое, а склонна рассматривать его как мозаику этнических и культурных групп, органически встроенных в общую систему. Языковая политика в целом поощряет сохранение «семейных языков» и их системное изучение, что способствует сохранению культурного наследия, импортированного мигрантами Большой алии [Schwartz; Spolsky; Zubida et al.], внесшими значительный вклад в развитие человеческого капитала Израиля: 55 % мигрантов

из бывшего СССР получали образование не менее 13 лет, еще 34 % владели техническими специальностями [Slonim-Nevo et al.]. Вскоре после приезда в Израиль мигранты из бывшего СССР обнаруживали, что их способность справляться с повседневными трудностями весьма ограничена: они были не в состоянии заботиться о себе и своих семьях в той мере, в какой они могли это делать в стране исхода. Многих ждало разочарование на новой родине, где не хватало привычных ориентиров, дающих чувство уверенности и социальной защищенности. Все это порой усугублялось конфликтами с детьми, возможность счастливого будущего которых являлась побудительным мотивом миграции родителей, приносивших себя в жертву. Печальная метафора, родившаяся в среде мигрантов первого поколения: «Мы – органические удобрения на земле, на которой будут расти наши дети» – в полной мере отражает их отношение к миграции [Mirsky, 1992; Rosenbaum-Tamari].

Большая алия: надежды и разочарования

После кратковременной эйфории первых лет Большой алии представители израильского истеблишмента и отдельных групп старожилов начали выражать откровенное недовольство русскоязычными мигрантами [Titzmann et al.]. Количество израильтян, работавших в добровольных организациях, оказывавших помощь русскоязычным мигрантам, постепенно сокращалось, как и терпимость к ним [Epstein; Damian, Rosenbaum-Tamari, 1996]. Огромный размах «советской» миграции, тесные контакты со странами исхода и высокая концентрация новоприбывших в определенных жилых районах Израиля привели к формированию их социокультурного отчуждения от ивритоязычного населения. Ожидания, что русскоязычные мигранты быстро интегрируются в общество и станут полноценными израильтянами, не оправдались [Lisitsa, Peres]. Уровень лояльности мигрантов и их детей измерялся знанием сионистской истории и этики, желанием говорить на иврите, готовностью служить в Армии обороны Израиля [Golan; Fialkova, Yelenevskaya]. Израильтяне-старожилы оценивали себя по всем характеристикам выше, чем русскоязычных мигрантов. В конце первого десятилетия с начала Большой алии 65 % израильтян классифицировали свои отношения с мигрантами как «нехорошие» или откровенно плохие [Elias et al.]. СМИ лишь усугубляли ситуацию, представляя новых граждан Израиля как фактор, повышающий уровень преступности в стране [Elias; Gur-Gurevitz], неся ответственность за формирование негативных стереотипов [Elias, Lemysh].

Желание мигрантов поддерживать контакты с носителями родного языка и культуры было связано с тем, что только в компании своих соотечественников они могли ощущать себя полноправными людьми [Bertrand, Mullainathan]. Окружение соотечественников, понимающих язык и культурные коды, позволяет большинству мигрантов сохранять свою идентичность, самооценку и чувство собственного до-

стоинства [Ben-Rafael et al.; Zilberg]. В результате выходцы из СССР создали собственную, новую для страны культуру, что позволяет говорить об их успешной адаптации в израильском обществе [Mirsky, Kaushinski; Integration or Separatism?].

Факторы, влияющие на процесс интеграции

Общеизвестно, что возраст является важным фактором, влияющим на способность овладения языком в новой стране, успешность на рынке труда и социокультурную интеграцию. И действительно, большинство прибывших в страну в возрасте 20–45 лет, согласно социологическим опросам, склонны развивать израильскую составляющую своей идентичности [Leshem, Lisk; Semyonov et al.]. Мигранты, начавшие изучение иврита, истории и традиций Израиля еще до переезда, быстрее и проще интегрировались в израильское общество, что, в свою очередь, становилось предпосылкой формирования чувства принадлежности к нему и новой идентичности.

Многие мигранты, особенно старшей возрастной группы, предпочитают не спеша изучать новые для них явления культуры, прежде чем решить, насколько они готовы их принять. Так, при опросе в 2002 г. более 95 % мигрантов из бывшего Советского Союза ответили, что для них важно, чтобы их дети и внуки сохранили знание русского языка и русской культуры наряду с ивритом [Gomel]. Телевизионный израильский канал на русском языке и русскоязычный канал радиовещания «Рэка» позволяет мигрантам знакомиться с местными новостями, тем самым развивая израильскую составляющую их самоопределения [Cohen, Tukachinsky]. Они осваивают новую культуру и интегрируются в израильское общество, постепенно наращивая использование нового языка и новых культурных кодов [Lisitsa, Peres].

В то же время мигранты из бывшего СССР ощущают себя частью русскоязычного сообщества, широко представленного в СМИ, что способствует сохранению многих аспектов прежней культурной и политической идентичности. Многие израильтяне – выходцы из бывшего Советского Союза принимают участие в жизни постсоветского пространства, посещая родных и друзей, оставшихся в странах исхода [Mesch; Fialkova, Yelenevskaya]. Сами себя они считают неотъемлемой частью еврейско-израильского сообщества, в основном нерелигиозной его части [Ben-Rafael, Peres; Ferdman, Horenczyk]. Часть выходцев из СССР ощущают себя наднациональной группой, чья особость основана на знании русского языка, культуры и принадлежности к общемировому еврейско-русскому сообществу. Ивритоязычное население Израиля не принимает такую позицию и дистанцируется от мигрантов [Sheffer; Isralowitz, Reznik]. Многие мигранты столкнулись с этой сегрегацией, усугубившей и без того сложный процесс обретения новой идентичности. Постепенное «отделение» от страны исхода и трудности адаптации к новой реальности сопровождались чувством утраты, порождавшим потребность в воспоминаниях.

нениях и идеализацию прошлого, вплоть до болезненной зависимости [Gur-Gurevitz]. И если в начале процесса присутствовали эйфория и идеализация новой страны, то позднее приходили отчуждение и чувство беспомощности в новой среде, «тоска по стране исхода, по оставшимся там людям, по прежней идентичности» [Mirsky, 2005]. Важно отметить, что по мере того, как мигрант овладевал ивритом, улучшалась его способность ориентироваться в новом пространстве, ему удавалось найти работу и выстроить новые связи, чувство разочарования и потери отступало. Процесс формирования новой еврейско-израильской идентичности бывших советских граждан включает сохранение русской/советской культуры в надежде на то, что израильский истеблишмент в конце концов вынужден будет согласиться с этим [Amit; Remennick, Prashizky; Slonim-Nevo et al.].

Цель и методы исследования

Целью исследования, проведенного в 2016–2019 гг., было изучение и обобщение опыта адаптации и интеграции бывших граждан СССР в современном израильском обществе. Для получения более объективной оценки использовалось мнение представителей второго поколения мигрантов о степени адаптации и интеграции их родителей. В исследовании принимали участие молодые люди в возрасте 20–30 лет, родившиеся в Израиле, чьи родители – граждане СССР прибыли в страну в период с 1990 по 1999 г. Первый этап включал интервьюирование 30 респондентов, второй – анонимный электронный опрос, в котором приняли участие уже 303 чел.

Во время опроса респондентам задавались вопросы, направленные на выявление объективных показателей успешной адаптации семей их родителей на новом месте (например, владение собственным жильем, работа по профессии, интеграция в израильское общество и его культуру и т. д.) и выяснение намерений родителей участников опроса продолжить свою жизнь в Израиле. Кроме того, записывались семейные истории о периоде абсорбции, о том, каким языком пользовались в семье, какие отношения у информантов складывались с родителями, бабушками и дедушками. Успех адаптации новых «русских» мигрантов в Израиле оценивался с помощью вопросов на следующие темы: степень интеграции семьи; удовлетворенность родителей жилищными условиями, работой, достигнутым уровнем жизни; включенность в израильское общество и культуру; степень использования иврита; круг общения, сложившийся после переезда в Израиль. Ответы оценивались по шкале от 1 до 5, где 1 = очень низкий, 2 = низкий, 3 = средний, 4 = высокий, 5 = очень высокий. Значительная часть вопросов касалась того, какой язык используется в родительской семье, на каком языке читают газеты и журналы, просматривают интернет-сайты, смотрят телепрограммы. Варианты ответов и их оценка были следующими: «только русский» – 1 балл; «в основном русский» – 2 балла; «русский и иврит в равной мере» – 3 балла; «в основном

на иврите» – 4 балла; «только на иврите» – 5 баллов. Ответы, содержавшие варианты «на другом языке» и «мои родители не смотрят телевизор / не читают газеты или журналы / не пользуются Интернетом», в анализ включены не были. Отдельный раздел вопросов касался еврейских праздников в кругу семьи.

Результаты исследования показывают, что большинство респондентов удовлетворены жизнью в Израиле и считают его своим домом. При этом некоторые из респондентов сообщили, что родители нечасто делятся своим опытом и рассказами о трудностях периода абсорбции, когда они испытывали снижение экономического и профессионального статуса, чувство утраты социальной защищенности, языковые проблемы, неуверенность в завтрашнем дне и опасения за будущее детей. Родители большинства опрошенных имели высшее образование и принадлежали к среднему классу и выше в стране исхода, но лишь около двух третей из них смогли достичь аналогичного статуса в Израиле. Некоторые из опрошенных описали типичные трудности периода абсорбции, с которыми сталкивались их семьи:

У меня очень острые воспоминания об этом возрасте: моя мама работала сначала уборщицей, а затем помощницей и секретарем у стоматолога. Потом она училась на курсах бухгалтеров и начала работать в области бухгалтерского учета. Мой отец изначально был инженером. Сначала он работал на стройке, а спустя несколько лет стал менеджером по строительству и подрядчиком (Мирит, 27 лет, Латвия).

В основном это были трудности с поиском работы, особенно после того, как мой отец получил академическую степень и уже свободно говорил на иврите. Он учитель Библии, истории и еврейской мысли. В то время это были не те предметы, которые обычно преподавали иммигранты из России. Он отправил много резюме, и ему ответили только две школы. Это смешно, потому что у отца есть опыт, он был директором школы в Украине (Илана, 24 года, Украина).

Моя мама окончила там университет и могла бы работать руководителем, а не как сейчас – простой рабочей на фабрике (Тали, 23 года, Белоруссия).

Моя мать начала работать кассиром, когда они эмигрировали в Израиль, а папа – чернорабочим. Это было очень сложно, потому что одному приходилось работать, а другому учиться. Моя мама ходила учить иврит, а отец работал (Левана, 26 лет, Россия).

Они [родители] сказали, что было очень и очень сложно... вдруг начать перестраивать свою жизнь в новой стране. Отец работал во всех сферах. Он работал ночным сторожем, пока подтверждал свое образование врача, потому что только часть его стажировки была признана в Израиле. Он также был охранником в тель-авивском музее, массажистом в футбольной команде и т. д. Все это после того, как он был врачом-специалистом и долго работал в медицине, и вдруг все с нуля (Габи, 26 лет, Украина).

У некоторых семей в первые годы после переселения даже возникали сомнения в верности решения иммигрировать.

Я помню случай, который стал поворотным моментом... Моя мать хотела отвезти нас на автобусе в детский сад. Когда мы сели в автобус, водитель не хотел нас везти. Он хотел закрыть двери. Я чуть не упал. Моя мама поймала меня, и она упала. У нее была грыжа межпозвоночного диска, и она получила 100 % инвалидность. Это был самый тяжелый год в ее жизни. Она не могла ходить. Было много разговоров о том, чтобы вернуться в Россию. Было много разочарования. Постепенно она выздоровела (Йони, 25 лет, Украина).

Согласно данным исследования Института геокартографии, выходцы из бывшего СССР занимают первое место среди мигрантов, занятых на рынке труда (75 %), при этом большинство работают не по профессии. Так, 54–55 % из них считают, что их работа не соответствует их уровню образования и профессиональной подготовки. Хотя, по данным Центрального статистического бюро Израиля, 52 % мигрантов уверены, что в этом вопросе наиболее важным фактором является уровень заработной платы, и лишь для 37 % наиболее значима работа по профессии.

Владение ивритом, социальный и экономический статус

Несмотря на пережитой некоторыми семьями кризис, по мнению большинства опрошенных, они были доброжелательно приняты на новом месте. Мнение респондентов о критериях успешности интеграции соответствует официальным данным [Lisitsa, Peres]. Большинство опрошенных молодых людей рассматривают трудоустройство родителей как один из основных критериев успеха, подчеркивая важность свободного владения ивритом.

Мои родители говорят на иврите, смотрят новости на иврите, у них есть друзья, которые говорят на иврите. Я думаю, что в целом их приняли хорошо. У них хорошая работа (Даниэла, 23 года, Узбекистан).

У них обоих есть работа по профессии. Они реализовали себя профессионально, что для меня очень важно. Они хорошо интегрировались в общество (Артур, 28 лет, Россия).

Да, я думаю, что они успешны на двух уровнях: первое – на социальном уровне. Я знаю, что они чувствуют себя дома в Израиле, они не раз говорили, что это «их страна»... Их социально-экономический статус улучшился, они материально независимы и находятся в хорошей форме (Йонатан, 24 года, Украина).

В качестве доказательства успешной интеграции респонденты, помимо владения языком и занятости по специальности, отмечали наличие квартиры, личного транспорта и дохода, позволяющего путешествовать.

Сегодня они оба работают, оба работают полный рабочий день, у них есть квартира, у них есть машина, у них есть возможность купить почти все, что они хотят. Я думаю, что это стандарт для людей их уровня (Эли, 25 лет, Россия).

Результаты интервью свидетельствуют, что все респонденты признательны своим родителям, успешно преодолевшим кризисный период.

Язык семейного общения как маркер идентичности

Согласно полученным данным, половина испытуемых разговаривает со своими родителями по-русски, а некоторые заявили, что русский используется в качестве единственного языка общения дома.

Мои родители очень настаивали на сохранении русского языка, поэтому мы говорим дома только по-русски. Я родился в Израиле – с одной стороны, я во всех смыслах израильтянин, и иврит – мой родной язык, но русский – также мой родной язык. Это разделение было очень заметно с раннего возраста (Макс, 28 лет, Россия).

Однако примерно треть молодых людей ответили, что говорят «на смеси русского и иврита», а еще 20 % ответили, что в их домах говорят на иврите.

Я стараюсь разговаривать с родителями по-русски. Дома они говорят со мной только по-русски, но, если мне нужно рассказать какую-то историю, я мыслю на иврите, поэтому в основном это заставляет меня «перемещаться» между языками (Кристина, 25 лет, Грузия).

Иудаизм

Относительно религиозных традиций 20 % респондентов заявили, что образ жизни их семей после переезда в Израиль не изменился. Все опрошенные определили себя как светские или умеренно традиционные, при этом половина признает, что их семьи отмечают все еврейские праздники, а некоторые проводят субботние трапезы.

Семья отмечает все еврейские праздники, знает традиции и соблюдает их – седер Песах, а также другие праздники – Рош ха-Шана (еврейский Новый год. – А. С.), Хануку, Пурим и тому подобное. Благодаря родителям у меня и у моего старшего брата была бар-мицва (Ариэль, 25 лет, Украина).

Я думаю, что с точки зрения традиций иудаизма жизнь моих родителей очень похожа на все, что они делали там (в стране исхода. – А. С.). Родители отмечают все еврейские праздники. Мой отец соблюдает посты, что он обычно делал и там. Никаких особых изменений в образе жизни (Габи, 26 лет, Украина).

Большинство респондентов и их семей приняли еврейский образ жизни: отмечают израильские праздники, соблюдают традиции брит-милы (обрезания), бар-мицвы² и др., принятые в светском обществе. Вместе с тем некоторые респонденты сообщили, что их родители соблюдают и кашрут³. В основном это те, кто еще до эмиграции занимались в сионистских кружках, а, приехав в Израиль, присоединились к русскоязычным группам по изучению еврейской философии.

Мы соблюдаем традиции. Мы не разделяем посуду, но не смешиваем мясо и молоко (Артур, 28 лет, Россия).

Результаты опроса

Большинство родителей респондентов (86 %) приехали из европейской части бывшего СССР – из России, Украины, Молдавии, Белоруссии и стран Балтии; только 14 % испытуемых указали, что их родители прибыли из стран Кавказа и Азии (табл. 1).

Таблица 1

Страна исхода родителей мигрантов, принявших участие в опросе

Страна исхода матери	Страна исхода отца	Страна исхода
31 %	28 %	Россия
37 %	42 %	Украина и Молдавия
15 %	12 %	Белоруссия
3 %	4 %	Латвия, Эстония, Литва
4 %	5 %	Грузия, Армения, Азербайджан
10 %	9 %	Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Туркмения

По результатам опроса, большинство родителей участников исследования имели высшее (отцы – 72 %, матери – 70 %) либо среднее техническое (отцы – 19 %, матери – 20 %) образование. Лишь у 10 % матерей и 9 % отцов имелось только среднее образование. По мнению большинства респондентов (75 %), их родители оценили свое решение мигрировать как верный поступок⁴. Наиболее значимым (72 %

² Бар-мицва (*ивр.* «сын заповеди») или бат-мицва (*ивр.* «дочь заповеди») – обряд, символизирующий достижение еврейским мальчиком или девочкой религиозного совершеннолетия.

³ Кашрут – свод правил, касающихся питания.

⁴ Здесь и далее учтены только ответы «согласен» и «абсолютно согласен».

респондентов) оказался мотив заботы о будущем своем и своих детей в стране исхода. Для 44 % респондентов идея сионизма также была важным фактором. Треть респондентов (33 %) ответили, что экономические причины являлись существенным фактором миграции семьи в Израиль. Лишь 16 % респондентов представили в качестве мотива миграции своих родителей в Израиль стремление к профессиональной реализации (табл. 2). Как было показано выше, процесс абсорбции выходцев из бывшего СССР сопровождался снижением социального и профессионального статуса.

Таблица 2

Оценка респондентами мотивов миграции их родителей в Израиль

Утверждение	Варианты ответов				
	Абсолютно не согласен	Не согласен	Частично согласен	Согласен	Абсолютно согласен
Мои родители считают иммиграцию в Израиль правильным и смелым поступком	1.6 %	3.6 %	19.7 %	34.2 %	40.9 %
Мои родители приехали в Израиль, руководствуясь еврейским и сионистским мотивами	9.5 %	18.8 %	28 %	26.3 %	17.4 %
Мои родители приехали в Израиль по экономическим причинам	13.5 %	25.6 %	28.2 %	25.2 %	7.5 %
Мои родители приехали в Израиль для профессиональной самореализации	35.5 %	30.6 %	18.1 %	10.8 %	4.9 %
Мои родители приехали в Израиль, опасаясь за будущее свое и своих детей	4.2 %	6.6 %	17.1 %	37.6 %	34.5 %

Согласно результатам исследования, большинство молодых людей оценивают успешность адаптации своих семей как высокую (39 %) или очень высокую (39 %); остальные оценили ее уровень как средний (около 21 %) или низкий (5,3 %).

Большая часть семей русскоязычных мигрантов, по мнению их детей, довольна своими жилищными условиями: 45 % семей удовлетворены и 32 % очень довольны условиями, в которых они живут (табл. 3).

Таблица 3

**Степень удовлетворенности мигрантов жилищными условиями
и работой в Израиле**

Утверждение	Варианты ответов				
	Абсолютно не согласен	Не со- гласен	Частично согласен	Согла- сен	Абсолютно согласен
Мои родители очень до- вольны своими жилищны- ми условиями	2 %	8 %	13 %	45 %	32 %
Моя мать очень довольна своей работой и условия- ми занятости	8 %	12 %	23 %	37 %	20 %
Мой отец очень доволен своей работой и условия- ми занятости	7 %	14 %	24 %	36 %	19 %
Мои родители полностью удовлетворены материаль- ным уровнем семьи	7 %	13 %	30 %	35 %	15 %

Процент владельцев собственного жилья среди семей респондентов выше (85 %), чем этот показатель по всем мигрантам из бывшего СССР, прибывшим в Израиль с 1990 г., – 50 % [Konstantinov]. Большинство тех, кто смогли купить недвижимость, приехали в трудоспособном возрасте. Две трети респондентов оценили степень удовлетворенности их семей экономическим уровнем в Израиле как высокую или даже очень высокую. Согласно результатам опроса, только чуть больше половины отцов (56,6 %) и матерей (53,3 %) респондентов работают в соответствии со своей профессией, полученной до или после приезда в Израиль. Степень удовлетворенности условиями занятости среди отцов и матерей участников исследования также свидетельствует о том, что более половины удовлетворены (36–36,8 %) или очень довольны (19,1–20,4 %) как работой, так и ее условиями, и лишь незначительная часть недовольна (отцы – 13,8 %, матери – 11,8 %) или крайне недовольна ими (7,6 и 7,9 % соответственно).

По мнению респондентов, более половины (55 %) семей выходцев из бывшего СССР возвращается исключительно в кругу русскоязычных мигрантов, что указывает на среднюю или средне-слабую их интеграцию в израильское общество и выборочную аккультурацию первого поколения иммигрантов. Это подтверждается и тем, что только треть респондентов согласны или полностью согласны с утверждением, что их семьи интегрировались в израильское общество и культуру. Еще треть указывает, что связь их родителей с израильским обществом и его культурными ценностями может быть охарактеризована как

посредственная, а оставшаяся треть утверждает, что у их семьи нет связи с говорящими на иврите израильтянами и родители не считают себя частью израильского общества (табл. 4).

Таблица 4

Оценка респондентами степени социальной и культурной адаптации семьи в Израиле

Утверждение	Варианты ответов				
	Абсолютно не согласен	Не согласен	Частично согласен	Согласен	Абсолютно согласен
У моих родителей друзья только русскоязычные, которые приехали из стран бывшего СССР	2.9 %	19.4 %	22.4 %	31.6 %	23.7 %
Мои родители чувствуют, что связаны с израильским обществом и культурой	6.0 %	26.0 %	34.5 %	26.0 %	7.5 %
Мои родители думали или думают уехать из Израиля в другую страну	62.2 %	20.2 %	7.2 %	7.2 %	3.2 %

Большинство респондентов указали, что в семьях их родителей используются иврит и русский (64,5 %); русский в качестве основного языка общения сохраняется в 30 % семей мигрантов; общение исключительно на иврите практикуется только в 4 % семей мигрантов из бывшего СССР. Полученные в ходе опроса результаты лишь отчасти соответствуют данным Центрального статистического бюро Израиля, согласно которому лишь 34 % говорят на иврите и русском, 49 % – только на русском, и лишь 2 % – только на иврите (опрос июля 2018 г.).

Согласно результатам проведенного исследования, 16 % мигрантов читают газеты и журналы, 12 % смотрят телевизор и 9 % просматривают Интернет только на иврите или в основном на иврите; оба языка (русский и иврит) для этих целей используют, соответственно, 19 % (газеты и журналы), около 25 % (телевидение) и около 30 % мигрантов (Интернет); большинство все-таки использует русскоязычные СМИ. Это можно объяснить трудностями в освоении иврита, а также привычкой и предпочтением контента, представленного русскоязычными СМИ, что также характеризует их невысокую культурную и социальную интеграцию. Несмотря на это, большинство семей участников опроса смогли довольно успешно адаптироваться в Израиле: лишь 10 % опрошенных указали, что существует вероятность переезда их семей в другую страну.

* * *

В связи с успешностью процесса социальной и культурной интеграции мигрантов – выходцев из бывшего СССР сюжеты, связанные с изучением их адаптации, привлекают все меньше внимания исследователей. Между тем, особенности проявления идентичности первого поколения русскоязычных мигрантов в поликультурном пространстве Израиля, особенности формирования чувства принадлежности к израильскому обществу и его обусловленность экономическим и социальным статусом остаются актуальными и сегодня.

Проведенное исследование позволило выявить ряд факторов, на основании которых можно судить об успешности адаптации и интеграции русскоязычных мигрантов в израильское общество.

Согласно результатам исследования, проведенного на материалах опроса мигрантов второго поколения – детей, рожденных в семьях выходцев из бывшего СССР в Израиле, чувство принадлежности к израильскому обществу является решающим фактором в оценке успеха адаптации и интеграции их родителей в новом социуме. Этот фактор также имеет большое значение для формирования новой израильской идентичности представителей первого поколения мигрантов. Важными факторами, способствующими успешной абсорбции мигрантов, являются удовлетворенность условиями работы и приобретение недвижимости, создающие основу материальной стабильности семьи.

Результаты исследования дают возможность сделать предварительное заключение, что оптимальной моделью культурной интеграции выходцев из бывшего СССР является сохранение и использование ими языка и культуры стран исхода наряду с постепенным включением в свой культурный багаж израильских традиций, в том числе религиозной, однако не за счет вытеснения предыдущего культурного опыта, а в сочетании с ним.

Список литературы

Amit K. Social Integration and Identity of Immigrants from Western Countries, the FSU and Ethiopia in Israel // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 35. 2012. № 7. P. 1287–1310. DOI 10.1080/01419870.2011.602091.

Baider L., Ever-Hadani P., Kaplan-Denour A. Crossing New Bridges : The Process of Adaptation and Psychological Distress of Russian Immigrants in Israel // *Psychiatry*. Vol. 59. 1994. № 2. P. 175–183. DOI 10.1080/00332747.1996.11024758.

[Ben-Rafael E., Ben-Chayim L. Contemporary Jewish Identities // *Jewish Peoplehood* / ed. by N. Sabar Ben-Yehoshua, N. H. Shimoni. Tel Aviv : Beit Hatfutsot Publ., 2008. P. 88–112.]

Байдер Л., Эвер-Хадани П., Каплан-Денур А. // *Исследования в области психиатрии*. 1994. № 2. С. 175–183. DOI 10.1080/00332747.1996.11024758.

Ben-Rafael E., Olshtain E., Geijst I. Identity and Language : The Social Insertion of Soviet Jews in Israel // *Russian Jews on Three Continents. Emigration and Resettlement* / ed. by N. Levin-Epstein, P. Ritterband, Y. Roi. L. : Frank Cass, 1998. P. 364–388.

Ben-Rafael E., Peres Y. Is Israel One? Religion, Nationalism and Multiculturalism Confounded. Boston ; Leiden : Brill, 2007. 332 p.

Bertrand M., Mullainathan S. Are Emily and Greg more Employable than Lakisha and Jamal? A Field Experiment on Labor Market Discrimination // *The American Economic Rev.* Vol. 94. 2004. № 4. P. 991–1013.

[*Cohen Y., Tukachinsky R.* Television and Social Identity in the Multi-Channel Age: Global and Local Viewing Patterns of Social Groups in Israel // *Israeli Sociology.* Vol. 8. 2007. № 2. P. 241–267.]

מיימוקמו מיילבולג הייפצ יסופד :יצורע ברה נדיעב תיתרבה תוהזו היזיוולט. 2007. ר'. קסני'צקוט, י', נהכ. ח. 2. 241–267. תילארשי היגולויצוס. לארשיב תויתרבה תוצובק לש

[*Cohen-Strawczynski P., Levy D., Konstantinov V.* Immigrant Youth in Israel – the Up-to-Date Situation. Jerusalem : Myers Joint – Brookdale Inst., 2010. 121 p.]

2010. תינכדע בצמ תנומת – לארשיב מילוע רענו ינב. יו', בוניטנסטנוק, ד', יול, פ', יקסני'צברטס-נהאק. מ'ע. 121: מילשורי. ליידיקורב ונכמ – טניול'ג סרייאמ

Damian N., Rosenbaum-Tamari Y. Jewish Identity and Immigration to Israel : The Current Wave of Russian Immigrants // *Rev. Europ. des Migrations Intern.* Vol. 12. 1996. № 3. P. 123–138.

Damian N., Rosenbaum-Tamari Y. Immigrants from the FSU and Their Social Integration in Israeli Society: Expectations and Realities // *Intern. Rev. of Sociology.* Vol. 9. 1999. № 2. P. 149–159. DOI 10.1080/03906701.1999.9971304.

[*Elias N.* The Functions of the Mass Media in a Crisis: The Case of Immigrants from the USSR in Israel // *Israeli Sociology.* Vol. 6. 2005. № 2. P. 295–312.]

מייח ונכמ // לארשיב מ"הירבמ מירגהמ לש הרקמה: תובלתשה תייגטרטסאק תרושקת ישומיש ג, סאילא. ביבא לת תטיסרבינוא. 2005. הקיטילופו הרבח, תרושקתל גוצרה

[*Elias N., Bar-Ilan Yerushalmi M., Sofer S.* Relations Between Immigrants from the FSU and Veteran Israelis and Their Mutual Perceptions // *Rev. of Research Literature.* Presented to the Chairman of the Aliyah, Absorption and Diaspora Committee, Naomi Blumenthal. Jerusalem : Knesset, 2000. 41 p.]

תהו מיקיתווה מילארשיה ויבל תונידמה רבח ילוע ויב מיסחיה. ש', רפוס, מ', ומלשורי וליא-רב, ג', סאילא // לטנמולב ימענ תוצופתהו הטיילקה, היילעה תדעו ר"ויל שגומ. תירקחמ תורפס תריקס. מהלש תוידדהה תוסיפ מ'ע. 41. מילשורי. 2000. תסנכה ירבד

[*Elias N., Lemysh D.* Together and Separately : The Place of Mass Communication among Immigrant Families from the FSU // 'Russians' in Israel: The Pragmatics of Immigrant Culture / ed. by R. Feldhi, Y. Lerner ; publ. by Van Leer Jerusalem Inst. Kibbutz Hameuchad, 2012. P. 231–255.]

// תונידמה רבחמ מירגהמ תוחפשם ברקב מינומה תרושקת לש המוקמ: דוחלו דחיב. ד', שימל, ג', סאילא. ריל נאו ונכמ תאצוה. 2012, הריגה תוברת לש הקיטמגרפה: לארשיב 'מיסור'. (מיכרוע). י', רנרל, ר' יחדלפ 231–255. דחואמה עוביקה מילשוריב

[*Epstein A.* "The New Ashkenazim" on the Rift Line : How the Meeting between Immigrants from the USSR and Israeli Society Was Missed // *The Root of Things : Re-examination of Questions of People and Society* / ed. by R. Rosenthal. Jerusalem : Crown, 2005. P. 128–139.]

הרבחהו תונידמה רבח ילוע ויב שגפמה עמחהו קיא :עסשה וק לע "מישדחה מיונכשאה". א', קייטשפא. מילשורי. 2005. הרבחו מע תולאשב שדוחמ וויע. מירבדה שרוש, (דרוע). ר', לטנזור דותמ. תילארשיה 128–139. רתכ

Ferdman, M., Horenczyk, G. Cultural Identity and Immigration // *Language, Identity and Immigration* / ed. by E. Olshtain, G. Horenczyk. Jerusalem, Magnes, 2000. P. 81–100.

Fialkova L., Yelenevskaya M. Ex-Soviets in Israel: From Personal Narratives to A Group Portrait. Detroit : Wayne State Univ. Press, 2007. 204 p.

[*Golan R.* Learning Hebrew and Aspects of Identity among Russian Speakers in Israel // *Studies in Language and Society.* Vol 3. 2010. № 1. P. 122–139.]

3. 2010, הרבחו הפשם מינויע // לארשיב תיסור ירבד ברקב תוהז לש מיטביהו תירבע דומיל. ר', קלוג. № (1). 122–139.

[*Gomel A.* You and We: Being Russian in Israel. Kinneret Zmora Beitan Publ., 2006. 176 p.]

- מ'ע 176. נתיב הרומז תרנב. // 2006. לארשיב מיסור תויהל: ונחנאו מתא. א', למג.
 [Gur-Gurevitz B. The Search for Identity: Between Assimilation and Immigration. The Zionist Library, 2003. 423 p.]
- מ'ע 423. תניוצה היירפסה. 2003. // הריגהל תולובתה יב: תוהזה שופיח. א', קיכרוג-רוג.
 [Hanin V. Potential for Change // Faces – Culture, Society and Education / publ. by the Teachers' Federation. 2001. Vol. 50. P. 65–72.]
- 50: וויליג. 2001. מירומה תורדתסה תאציה, דוניחו הרבח, תוברת – מינפ. // יוניש לש לאיצנטופ, יונח
 65–72.
- Horowitz T. Integration or Separatism? // Children of Perestroika in Israel / ed. by T. Horowitz. Langham : Univ. Press of America, 1999. P. 1–21.
- Horowitz T. The Integration of Immigrants from the Former Soviet Union // Israel Affairs. Vol. 11. 2005. № 1. P. 117–136. DOI 10.1080/1353712042000324481.
- Isralowitz R., Reznik A. Former Soviet Union Immigrant and Native-Born Adolescents in Israel: Substance Use and Related Problem Behavior // J. of Ethnicity in Substance Abuse. Vol. 6. 2007. № 1. P. 131–138. DOI 10.1300/J233v06n01_08.
- [Konstantinov V. Trends in the Integration of Immigrants from the Former USSR. Research Report. Jerusalem : Myers-Joint – Brookdale Inst., 2015. 91 p.]
- טניו-סרייאמ נוכמ. 2015. // רקחמ ח"ד. רבעשל מ"הירב ילוע לש תובלתשהב תומגמ. א', בוניטנטסוק
 מ'ע 91. מילשורי, ליידיקורב.
- Kozulin A., Venger A. Psychological and Learning Problems // Children of Perestroika in Israel / ed. by T. Horowitz // Langham : Univ. Press of America, 1999. P. 190–204.
- [Leshem A., Lisk M. The Social and Cultural Crystallization of the Russian Community in Israel // From Russia to Israel – Identity and Culture in Transition / ed. by A. Leshem, M. Lisk. Tel Aviv : Hakibbutz Hameuchad Publ., 2001. P. 27–76.]
- קסיל, א', משל דותמ. לארשיב תיסורה הליהקה לש תיתוברתהו תיתרבהה התושבגתה. א', קסיל, א', משל
 27–76. ביבא-לת, דחואמה דוביקה תאציה. 2001. // רבעמב תוברתו תוהז – לארשיל היסורמ. (מיכרוע). מ.
- Leshem E., Sicron M. The Soviet Immigrant Community in Israel // Jews in Israel : Contemporary Social and Cultural Patterns / ed. by U. Rebnun, C. Waxman. Hannover : Brandeis Univ. Press, 2004. P. 81–117.
- [Lisk M. Immigrants from the FSU between Separation and Integration // Allocation of Resources to Social Services, 1994–1995 / ed. by E. Kop. Jerusalem : Center for the Study of Social Policy in Israel, 1995. P. 167–174.]
- יוריכל מיבאשמ תאצקה, (דרוע) פוק. ע: דותמ. תובלתשהל תולדתה יב סימעה-רבחמ מילועה. א', קסיל
 167–174. לארשיב תיתרבהה תוינידמה רקחל זכרמה, מילשורי. 1995. // מיתרבה מית
- [Lissitsa S., Peres Y. The Integration Index of USSR Immigrants in Israel – Is It a Success Story? // From the Roots of the Past to the Buds of Tomorrow : Immigration of USSR Immigrants to Israel in the 2000s / ed. by S. Lisitsa, Y. Bokek-Cohen. Ariel : Ariel Univ. Center in Samaria, 2012. P. 65–83.]
- א', הציסיל: דותמ? החלצה רופיס מאה – לארשיב מ"הירב ילוע לש תובלתשה דדמ. א', סרפ, א', הציסיל
 // מייפלאה תונשב לארשיב מ"הירב ילוע לש תוברעתה. רחמה ינציגל רבעה ישרושמ. (תוכרוע). א' נה-קקוב
 65–83. 2012, וורמושב לאירא יאטיסרבינואה זכרמה.
- Mesch G. Between Spatial and Social Segregation among Immigrants: The Case of Immigrants from the FSU in Israel // Intern. Migration Rev. Vol. 36. 2002. № 3. P. 912–934. DOI 10.1111/j.1747-7379.2002.tb00109.x.
- Mirsky J., Kaushinski F. Migration and Growth: Separation-Individuation Processes in Immigrant Students in Israel // Adolescence. Vol. 95. 1989. № 24. P. 725–740.
- [Mirsky J. Independence – Difficult Language: Family and Adolescence in the Soviet Union // Adolescent Motivation: Therapy, Psychopathology and Immigrant Absorption Processes / ed. by H. Deutsch, S. Schneider. Jerusalem : Jerusalem Summit Inst., 1992. P. 39–50.]
- (מיכרוע). א', רדיינש, ח. שטיוד: דותמ. תוצעומה תירבב תורגבתהו החפשמ: השק הפש – תואמצע. א', יקסרימ
 39–50. 1992. טימאס נוכמ מילשורי // היילע תטילק יכילהתו היגולותפוכיספ, לופיט: תורגבתהה ליגב היציטומ
- [Mirsky J. Conversations on Immigrant Youth : Immigrants from the Former USSR in Israel. Jerusalem : Falk Inst. for Mental Health and Behavioral Sciences Research, 1997. 42 p.]
- רקחל קלאפ נוכמ: מילשורי // לארשיב רבעשל מ"הירבמ הלוע רעון. הלוע רעון לע תווחש. א', יקסרימ
 מ'ע 42. 1997: תוגהנתהה יעדמו שפנה תואריב.

- [Mirsky J. Israelis. Migration Stories. Tel Aviv : Tzivony Publ., 2005. 192 p.]
 'מע 192. מינועב, ביבא-לח // 2005. הרעה ירופס. מלארשי. י. יקסרימ.
- Niznik M. Specifics of the Cultural Integration of Russian-Speaking Immigrants in Israel // *Diasporas. Independent Academic J.* 2003. No. 1. P. 48–67.
- Pedraza S. *Cultural Psychology of Immigrants*. N. Y. : Psychology Press, 2006. 400 p.
- [Peres Y. Introduction to a Digest of Articles // *From the Roots of the Past to the Buds of Tomorrow : Immigration of USSR Immigrants to Israel in the 2000s* / ed. by S. Lisitsa, Y. Bokek-Cohen. Ariel : Ariel Univ. Center in Samaria, 2012. P. 6–7.]
- לארשיב מ"הירב ילוע לש מתוברעתה. רחמה ינצינל רבעה ישרושמ" מירמאמ קבוקל חיתפ ירדב. י. סרפ, 2012 : 6-7. וורמושב לאירא יאטיסרבינואה זכרמה // "מייפלאה תונשב
- Remennick L. Transnational Community in the Making: Russian-Jewish Immigrants of the 1990s in Israel // *J. of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 28. 2002. № 3. P. 515–530. DOI 10.1080/13691830220146581.
- Remennick L., Prashizky A. Russian Israelis and Religion: What Changed after Twenty Years in Israel? // *Israeli Studies Rev.* Vol. 27. 2012. № 1. P. 55–77.
- [Rosenbaum-Tamari Y. *Immigrants from the FSU; Motives for Immigration and Commitment to Life in Israel*. Jerusalem : Ministry of Immigrant Absorption, 2004. 36 p.]
- יילקל דרשמה: מילשורי // לארשיב מייחל תוביוחמו היילע יעינמ; רבעשל מ"הירב ילוע. י. זרמח-סואבמוז, 2004. 36 'מע. רוקחמלו ונוכתל קגאה, היילעה תט
- Schwartz M. Second Generation Immigrants: A Socio-Linguistic Approach of Linguistic Development within the Framework of Family Language Policy // *Current Issues in Bilingualism: Cognitive and Socio-linguistic Perspectives* / ed. by M. Leikin, M. Schwartz, Y. Tobin. Dordrecht : Springer Science & Business Media, 2012. P. 119–135.
- [Semyonov M., Habersfeld J., Reichman R. et al. *Ruppin Index: The Annual Index for the Integration of Immigrants in Israel*. Emek Hefer : Ruppin Academic Center, 2010. 48 p.]
- ייליוושא'צ'צ' ;ס, וורבלייה; א', הדיבז-רצלז; ק', תימא; ר', לא-רב; ר', ומכיר; י', דלפרה; מ', בווימס קמע, קיפור ימדקא זכרמ // לארשיב מילוע לש מתובלתשהל יתנשה דממה: קיפור דמ. 2010. 48 'מע. רפה
- Sheffer G. A Nation and Its Diaspora: A Re-examination of Israeli Jewish Diaspora Relations // *Diaspora. J. of Transnational Studies*. Vol. 11. 2002. № 3. P. 331–358. DOI 10.3138/diaspora.11.3.331.
- Slonim-Nevo V., Mirsky J., Nauck B., Horowitz T. Social Participation and Psychological Distress among Immigrants from the Former Soviet Union : A Comparative Study in Israel and Germany // *Intern. Social Work*. Vol. 50. 2007. № 4. P. 473–488. DOI 10.1177/0020872807077908.
- Spolsky B. Family Language Policy – the Critical Domain // *J. of Multilingual and Multicultural Development*. 2012. Vol. 33. № 1. P. 3–11. DOI 10.1080/01434632.2011.638072.
- Spolsky B., Shohamy E. *The Languages of Israel: Policy, Ideology and Practice (Bilingual Education and Bilingualism)*. Clevedon : Multilingual Matters, 1999. 299 p.
- Taylor C. *Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition*. Princeton : Princeton Univ. Press, 2013. 175 p.
- Titzmann P., Serwata O., Silbereisen R., Davidov E. Ethnic Homophily in Minority Groups : A Comparative Perspective on Germany and Israel // *J. of Cross-Cultural Psychology*. 2016. Vol. 47. № 8. P. 1076–1096. DOI 10.1177/0022022116658245.
- [Zilberg N. The Jewish-Russian Intelligentsia in Israel. Searches for New Models of Integration // *Jews in the USSR in Transition*. Vol. 19. 2000. № 4. P. 196–221.]
- מ"הירב ידוהי // היצרגטניא לש מישדח מילדומ ישופיה. לארשיב תיסור-תידוהיה היצנגליטניאה. י. גרבלז, 2000 (19)4 : 196–212. רבעמב
- Zubida H., Lavi L., Harper R., Nakash O., Shoshani A. Home and away: Hybrid Perspective on Identity Formation in 1.5 and Second Generation Adolescent Immigrants in Israel // *Glocalism. J. of Culture, Politics and Innovation*. 2013. № 1. P. 2–28. DOI 10.12893/gjcp.2013.1.6.

References

- Amit, K. (2012). Social Integration and Identity of Immigrants from Western Countries, the FSU and Ethiopia in Israel. In *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 35. No. 7, pp. 1287–1310. DOI 10.1080/01419870.2011.602091.
- Baidier, L., Ever-Hadani, P., Kaplan-Denour, A. (1994). Crossing New Bridges: The Process of Adaptation and Psychological Distress of Russian Immigrants in Israel. In *Psychiatry*. Vol. 59, pp. 175–183. DOI 10.1080/00332747.1996.11024758.
- Ben-Rafael, E., Olshtain, E., Geijst, I. (1998). Identity and Language: The Social Insertion of Soviet Jews in Israel. In Levin-Epstein, N., Ritterband, P., Roi, Y. (Eds.). *Russian Jews on Three Continents. Emigration and Resettlement*. L., Frank Cass, pp. 364–388.
- Ben-Rafael, E., Peres, Y. (2007). *Is Israel One? Religion, Nationalism and Multiculturalism Confounded*. Boston, Leiden, Brill. 332 p.
- Ben-Raphael, E. (2008). Contemporary Jewish Identities. In Sabar Ben-Yehoshua, N., Shimoni, N. H. (Eds.). *Jewish Peoplehood*. Tel Aviv, Beit Hatfutsot Publ., pp. 88–112. (In Hebrew).
- Bertrand, M., Mullainathan, S. (2004). Are Emily and Greg more Employable than Lakisha and Jamal? A Field Experiment on Labor Market Discrimination. In *The American Economic Rev.* Vol. 94. No. 4, pp. 991–1013.
- Cohen, Y., Tukachinsky, R. (2007). Television and Social Identity in the Multi-Channel Age: Global and Local Viewing Patterns of Social Groups in Israel. In *Israeli Sociology*. Vol. 8. No. 2, pp. 241–267. (In Hebrew).
- Cohen-Strawczynski, P., Levy, D., Konstantinov, V. (2010). *Immigrant Youth in Israel – up-to-date Situation*. Jerusalem, Myers Joint – Brookdale Inst. 121 p. (In Hebrew).
- Damian, N., Rosenbaum-Tamari, Y. (1996). Jewish Identity and Immigration to Israel: The Current Wave of Russian Immigrants. In *Rev. Europ. des Migrations Intern.* Vol. 12. No. 3, pp. 123–138.
- Damian, N., Rosenbaum-Tamari, Y. (1999). Immigrants from the FSU and Their Social Integration in Israeli Society: Expectations and Realities. In *Intern. Rev. of Sociology*. Vol. 9. No. 2, pp. 149–159. DOI 10.1080/03906701.1999.9971304.
- Elias, N. (2005). The Functions of the Mass Media in a Crisis: The Case of Immigrants from the USSR in Israel. In *Israeli Sociology*. Vol. 6. No. 2, pp. 295–312. (In Hebrew).
- Elias, N., Bar-Ilan Yerushalmi, M., Sofer, S. (2000). The Relations Between Immigrants from the FSU and the Veteran Israelis and Their Mutual Perceptions. In *Review of Research Literature. Presented to the Chairman of the Aliyah, Absorption and Diaspora Committee, Naomi Blumenthal*. Jerusalem, Knesset. 41 p. (In Hebrew).
- Elias, N., Lemysh, D. (2012). Together and Separately: The Place of Mass Communication among Immigrant Families from the FSU. In Feldhi, R., Lerner, Y. (Eds.). *'Russians' in Israel: The Pragmatics of Immigrant Culture*. Publ. by the Van Leer Jerusalem Inst., Kibbutz Hameuchad, pp. 231–255. (In Hebrew).
- Epstein, A. (2005). “The New Ashkenazim” on the Rift Line: How the Meeting between Immigrants from the USSR and Israeli Society Was Missed. In Rosenthal, R. (Ed.). *The Root of Things. Re-examination of Questions of People and Society*. Jerusalem, Crown, pp. 128–139. (In Hebrew).
- Ferdman, M., Horenczyk, G. (2000). Cultural Identity and Immigration. In Olshtain, E., Horenczyk, G. (Eds.). *Language, Identity and Immigration*. Jerusalem, Magnes, pp. 81–100.
- Fialkova, L., Yelenevskaya, M. (2007). *Ex-Soviets in Israel: From Personal Narratives to A Group Portrait*. Detroit, Wayne State Univ. Press. 204 p.
- Golan, R. (2010). Learning Hebrew and Aspects of Identity among Russian Speakers in Israel. *Studies in Language and Society*. Vol. 3. No. 1, pp. 122–139. (In Hebrew).
- Gomel, A. (2006). *You and We: Being Russian in Israel*. Kinneret Zmora Beitan Publ. 176 p. (In Hebrew).
- Gur-Gurevitz, B. (2003). *The Search for Identity: Between Assimilation and Immigration*. The Zionist Library. 423 p. (In Hebrew).
- Hanin, V. (2001). Potential for Change. In *Faces – Culture, Society and Education / publ. by the Teachers' Federation*. Vol. 50, pp. 65–72. (In Hebrew).

Horowitz, T. (1999). Integration or Separatism? In Horowitz, T. (Ed.) *Children of Perestroika in Israel*. Langham, Univ. Press of America, pp. 1–21.

Horowitz, T. (2005). The Integration of Immigrants from the Former Soviet Union. *Israel Affairs*. Vol. 11. No. 1, pp. 117–136. DOI 10.1080/1353712042000324481.

Isralowitz, R., Reznik, A. (2007). Former Soviet Union Immigrant and Native-Born Adolescents in Israel: Substance Use and Related Problem Behavior. In *J. of Ethnicity in Substance Abuse*. Vol. 6. No. 1, pp. 131–138. DOI 10.1300/J233v06n01_08.

Konstantinov, V. (2015). *Trends in the Integration of Immigrants from the Former USSR. Research Report*. Jerusalem, Myers-Joint-Brookdale Inst. 91 p. (In Hebrew).

Kozulin, A., Venger, A. (1999). Psychological and Learning Problems. In Horowitz, T. (Ed.). *Children of Perestroika in Israel*. Langham, Univ. Press of America, pp. 190–204.

Leshem, A., Lisk, M. (2001). The Social and Cultural Crystallization of the Russian Community in Israel. In Leshem, A., Lisk, M. (Eds.). *From Russia to Israel – Identity and Culture in Transition*. Tel Aviv, Kibbutz Hameuchad, pp. 27–76. (In Hebrew).

Leshem, E., Siron, M. (2004). The Soviet Immigrant Community in Israel. In Rebnun, U., Waxman, C. (Eds.). *Contemporary Social and Cultural Patterns*. Hanover, Brandeis Univ. Press, pp. 81–117.

Lisk, M. (1995). Immigrants from the FSU between Separation and Integration. In Kop, E. (Ed.). *Allocation of Resources to Social Services, 1994–1995*. Jerusalem, Center for the Study of Social Policy in Israel, pp. 167–174. (In Hebrew).

Lissitsa, S., Peres, Y. (2012). The Integration Index of USSR Immigrants in Israel – Is It a Success Story? In Lissitsa, S., Bokek-Cohen, Y. (Eds.). *From the Roots of the Past to the Buds of Tomorrow : Immigration of USSR Immigrants to Israel in the 2000s*. Ariel, Ariel Univ. Center in Samaria, pp. 65–83. (In Hebrew).

Mesch, G. (2002). Between Spatial and Social Segregation among Immigrants: The Case of Immigrants from the FSU in Israel. In *Intern. Migration Rev.* Vol. 36. No. 3, pp. 912–934. DOI 10.1111/j.1747-7379.2002.tb00109.x.

Mirsky, J. (1992). Independence – Difficult Language: Family and Adolescence in the Soviet Union. In Deutsch, H., Schneider, S. (Eds.). *Adolescent Motivation: Therapy, Psychopathology and Immigrant Absorption Processes*. Jerusalem, Jerusalem Summit Inst., pp. 39–50. (In Hebrew).

Mirsky, J. (1997). *Conversations on Immigrant Youth. Immigrants from the Former USSR in Israel*. Jerusalem, Falk Inst. for Mental Health and Behavioral Sciences Research. 42 p. (In Hebrew).

Mirsky, J. (2005). *Israelis. Migration Stories*. Tel Aviv, Tzivony Publ. 192 p. (In Hebrew).

Mirsky, J., Kaushinski, F. (1989). Migration and Growth: Separation-Individuation Processes in Immigrant Students in Israel. In *Adolescence*. Vol. 95. No. 24, pp. 725–740.

Niznik, M. (2003). Specifics of the Cultural Integration of the Russian-Speaking Immigrants in Israel. In *Diasporas. Independent Academic J.* No. 1, pp. 48–67.

Pedraza, S., (2006). *Cultural Psychology of Immigrants*. N. Y., Psychology Press. 400 p. Peres, Y. (2012). Introduction to a Digest of Articles. In Lissitsa, S., Bokek-Cohen, Y. (Eds.). *From the Roots of the Past to the Buds of Tomorrow: Immigration of USSR Immigrants to Israel in the 2000s*. Ariel, Ariel Univ. Center in Samaria, pp. 6–7. (In Hebrew).

Remennick, L. (2002). Transnational Community in the Making: Russian-Jewish Immigrants of the 1990s in Israel. In *J. of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 28. No. 3, pp. 515–530. DOI 10.1080/13691830220146581.

Remennick, L., Prashizky, A. (2012). Russian Israelis and Religion: What Changed after Twenty Years in Israel? In *Israeli Studies Rev.* Vol. 27. No. 1, pp. 55–77.

Rosenbaum-Tamari Y. (2004). *Immigrants from the FSU; Motives for Immigration and Commitment to Life in Israel*. Jerusalem, Ministry of Immigrant Absorption. 36 p. (In Hebrew).

Schwartz, M. (2012). Second Generation Immigrants: A Socio-Linguistic Approach of Linguistic Development within the Framework of Family Language Policy. In Leikin, M., Schwartz, M., Tobin, Y. (Eds.). *Current Issues in Bilingualism: Cognitive and Socio-linguistic Perspectives*. Dordrecht, Springer Science & Business Media, pp. 119–135.

Semyonov, M., Habermeld, J., Reichman, R. et al. (2010). *Ruppin Index: The Annual Index for the Integration of Immigrants in Israel*. Emek Hefer, Ruppin Academic Center. 48 p. (In Hebrew).

Sheffer, G. (2002). A Nation and Its Diaspora: A Re-Examination of Israeli Jewish Diaspora Relations. In *Diaspora. J. of Transnational Studies*. Vol. 11. No. 3, pp. 331–358. DOI 10.3138/diaspora.11.3.331.

Slonim-Nevo, V., Mirsky, J., Nauck, B., Horowitz, T. (2007). Social Participation and Psychological Distress among Immigrants from the Former Soviet Union: A Comparative Study in Israel and Germany. *Intern. Social Work*. Vol. 50. No. 4, pp. 473–488. DOI 10.1177/0020872807077908.

Spolsky, B. (2012). Family Language Policy – the Critical Domain. In *J. of Multilingual and Multicultural Development*. Vol. 33. No. 1, pp. 3–11. DOI 10.1080/01434632.2011.638072.

Spolsky, B., Shohamy, E. (1999). *The Languages of Israel: Policy, Ideology and Practice (Bilingual Education and Bilingualism)*. Clevedon, Multilingual Matters. 299 p.

Taylor, C. (2013). *Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition*. Princeton, Princeton Univ. Press. 175 p.

Titzmann, P., Serwata, O., Silbereisen, R., Davidov, E. (2016). Ethnic Homophily in Minority Groups: A Comparative Perspective on Germany and Israel. In *J. of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 47. No. 8, pp. 1076–1096. DOI 10.1177/0022022116658245.

Zilberg, N. (2000). The Jewish-Russian Intelligentsia in Israel. Searches for New Models of Integration. In *Jews in the USSR in Transition*. Vol. 19. No. 4, pp. 196–221. (In Hebrew).

Zubida, H., Lavi, L., Harper, R., Nakash, O., Shoshani, A. (2013). Home and Away: Hybrid Perspective on Identity Formation in 1.5 and Second Generation Adolescent Immigrants in Israel. In *Glocalism. J. of Culture, Politics and Innovation*. No. 1, pp. 2–28. DOI 10.12893/gjcp.2013.1.6.

The article was submitted on 25.04.2021